Арина Теплова

Лучшая бабушка 2

Империя Железной леди

Арина Теплова

Лучшая бабушка. Империя Железной леди 2

«Автор»
2026

Теплова А.

Лучшая бабушка. Империя Железной леди 2 / А. Теплова — «Автор», 2026

Продолжение книги о Нине Литвиновой...После аварии я попала в прошлое в тело миллионерши. Немолодой леди пятидесяти двух лет, несчастной, нелюбимой и больной. Родственники и кредиторы жаждут поживиться деньгами бабушки, а молодой муж треплет нервы. Моя предшественница не выдержала такой жизни. Меня же, автогонщицу с «железным» характером, этим не напугать. Так что приступим, господа

© Теплова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 17
Глава 8 20
Глава 9 23
Глава 10 26
Глава 11 28
Глава 12 30
Глава 13 32
Глава 14 34
Глава 15 36
Глава 16 38
Глава 17 40
Глава 18 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Арина Теплова
Лучшая бабушка.
Империя Железной леди 2

Глава 1

Российская империя, Санкт-Петербург,
приём в австрийском посольстве,
1896 год, 15 ноября

Грандиозный бал в посольстве открылся помпезным полонезом в главной зале.

Я танцевать не любила, да и не особо умела. На приём в австрийское посольство пришла одна, хотя приглашение три недели назад прислали на четыре персоны. Клавдия занемогла сегодня с утра, Аня вся погрязла в учёбе и работе в больнице, а мужа видеть я не хотела.

Вчера мы с Владимиром опять поссорились. Я лишь спросила, сможет ли он заехать за мной на фабрику Фрезе днём, но он ответил, что будет занят до позднего вечера. И я подозрительно поинтересовалась, чем же он будет так занят, что не сможет сводить жену пообедать. Он ответил, что у него какое-то важное заседание в суде, и попросил не обижаться.

Но я обиделась. Подозрения насчёт неверности мужа крепли в моём существе с каждым днём. Услышанный месяц назад разговор с той дамой постоянно всплывал в памяти. И на прошлой неделе я издалека видела, как эта темноволосая красотка снова выходила из адвокатской конторы мужа.

Я жаждала поговорить с Баскаковым начистоту и потребовать от него объяснений, но боялась поднимать эту тему. А что, если он скажет: «Да, Нина, я люблю другую женщину, и у нас есть ребёнок. А ты была нужна только для статуса и финансовых трат».

— Хотя нет, деньги у него и у самого есть, — говорила я сама себе. — Тут явно какая-то другая причина. Она моложе меня лет на пятнадцать.

Петра я пока не хотела вмешивать в это щекотливое дело. Хотя, наверное, стоило поручить ему все выяснить об этой крале. Но это было так унизительно, рассказать о том, что у мужа есть любовница.

Эти мысли терзали моё существо более месяца, не давая спокойно жить. Мужу я пыталась не показывать своего недовольства, но последнюю неделю эта ситуация начала меня так расстраивать, что я перестала пускать Владимира в свою спальню.

Поэтому сегодня приехала на приём одна. Тем более меня интересовали не светский раут и танцы, а нечто совсем другое. Я приехала решать дела. Но пока не видела нужного мне человека.

Приём в австрийском посольстве был великолепен и поражал изобилием: залы были украшены экзотическими цветами и пальмами в кадках, официанты подавали редкие фрукты, дорогое шампанское и деликатесы. Здесь присутствовали все сливки петербургского общества, важные государственные чиновники, известные финансисты и коммерсанты империи. Сегодня сюда приехал даже великий князь Георгий Александрович, брат императора.

Лакей, облачённый в изысканную зелёную ливрею, подошёл ко мне с подносом с напитками, но я отказалась, с нетерпением оглядывая зал.

Неожиданно передо мной возникла статная фигура военного лет пятидесяти.

— Позвольте представиться. Полковник Тихонов, Яков Петрович, — заявил мужчина. — Могу я ангажировать вас на вальс, мадам?

Темноволосый, с висками, тронутыми сединой, и острым взглядом он производил впечатление человека энергичного и упрямого.

— Я плохо танцую, сударь. И отдавлю вам все ноги, — ответила я, не горя желанием танцевать.

— Ничего. Мои сапоги выдержали на поле боя и не такое.

— Если так, пойдёмте. Только потом не обессудьте, я вас предупредила.

Единственный танец, который не вызывал у меня неприязни — это вальс, именно поэтому я, наверное, и согласилась. Всё же приехать на бал в посольство и ни разу не выйти на паркет было бы глупо. Так поступали матроны в возрасте, а я ещё хотела выглядеть молодой. Не желала, чтобы меня считали возрастной дамой.

Сегодня я специально надела шикарное муаровое платье бордового цвета с довольно внушительным декольте, которое дозволялось по этикету. Волосы мои были уложены красивыми волнами и заколоты на затылке вычурной эгреткой с небольшим белым пером.

— Отчего вы сегодня одна? — завёл полковник разговор в танце.

— Муж не смог сопровождать меня, — ответила я, не собираясь рассказывать подробности своих семейных драм полковнику, который не сводил с меня пытливого и горящего взора.

Владимиру я оставила только записку о том, что сегодня буду на балу и сопровождать меня не надо. Когда я уходила из особняка, мужа ещё не было дома. И я надеялась только на то, что он не притащится сюда меня контролировать.

— Ваш муж недальновиден, — заявил Тихонов. — Нельзя отпускать такую прелестную женщину одну на бал. Её могут увести или соблазнить.

— Намекаете на себя, ваше высокоблагородие?

— Никаких намёков, сударыня. Я военный и говорю открыто. Вы мне чертовски нравитесь, и я не прочь продолжить с вами знакомство.

— Мда, прямолинейность и честность — хорошие черты в бою, но не в общении с женщинами. Вы так не считаете?

— Нет.

— У меня есть муж.

— Это не помеха.

Историческая справка

Традиционно сезон зимних балов и маскарадов в Российской империи второй половины XIX века начинался с середины ноября и продолжался несколько месяцев до Масленичной недели. Рождественские балы проводились в Зимнем и Аничковом дворцах, в Концертном зале и дворянском собрании, также давались приёмы в английском, французском и австрийском посольстве. Часто проводились маскарады или костюмированные балы.

Глава 2

В общем, полковник Тихонов за десять минут вальса утомил меня своей властной энергетикой настолько, что я сбежала. Нашла повод — заметила в толпе знакомую даму, — извинилась перед полковником и поспешила к ней. Поздоровалась и сразу же уточнила:

— Екатерина Павловна, вы говорили, что господин Левицкий будет на сегодняшнем приёме. А я что-то не вижу его.

— Как же, дорогая, — удивилась Екатерина. — Вон же он. У той кобальтовой напольной вазы с цветами, говорит с великим князем.

Она указала на невысокого господина в чёрном сюртуке, в котором я бы в жизни не признала важного чиновника финансового ведомства.

— Вы не могли бы меня представить господину Левицкому? Хотела поговорить с ним о важном деле.

Екатерина Павловна занимала должность место одной из фрейлин её величества Александры Фёдоровны, поэтому знала почти всех в этой зале, где сегодня собрались все известные члены петербургского общества. Ожидался приезд даже самого царя с супругой.

Левицкий Максим Николаевич занимал пост заместителя министра внутренних дел, и через него я надеялась получить выгодные контракты. Была у меня одна дерзкая задумка, поэтому я решила попытать удачи сейчас и поговорить с ним.

— Если желаете, конечно, — произнесла Екатерина Павловна. — Намерены продать ему свой автомобиль?

— Вы угадали. Только не один, а десятка два, три.

Заместитель министра оказался вполне разговорчивым и вежливым человеком. Мы с Максимом Николаевичем обсудили развитие автомобильного производства в России, и я, пользуясь случаем, высказала своё предложение, из-за которого, собственно, только и приехала сегодня на приём в посольство.

— У меня есть одна идея относительно машин, которые могут понадобиться в дальнейшем развитии транспорта в столице и других городах империи, — деликатно перевела я разговор в нужную мне сторону. — И поверьте, весьма интересное предложение для вашего ведомства.

— Да? Вы заинтриговали меня, сударыня, — ответил Максим Николаевич.

— Но, наверное, это не стоит обсуждать здесь, в таком шуме.

— Вы правы, Нина Георгиева. Могу пригласить вас на будущей неделе к себе в министерство. Там вы и расскажете мне это своё «интересное предложение».

Спустя час я засобиралась домой. Приёмы и балы зимнего сезона в Петербурге начинались поздно, около восьми-девяти вечера, потому, едва прибыв, я отметила, что на часах уже около одиннадцати. Важный для меня вопрос я решила, а оставаться более в этом шумном, многочисленном муравейнике не хотелось.

Одевшись, я вышла на улицу. Спустилась с крыльца и велела лакею поймать мне экипаж. Сегодня приехала без машины, соби ралась выпить шампанского, оттого свою любимицу «Нинель» оставила дома.

Оставшись ждать у парадного входа экипаж, я натягивала перчатки. Сегодня похолодало, казалось, вот-вот пойдёт снег.

Неожиданно около меня на мостовой остановилась открытая коляска. В ней сидел Левицкий. Обратив на меня настойчивый взгляд, заместитель министра галантно спросил:

— Нина Георгиевна, вы домой? Могу отвезти вас, не возражаете?

Я оглядела дорогую пролётку чёрного цвета с позолоченными вензелями и мило улыбнулась Максиму Николаевичу.

— Почту за честь, сударь.

Извозчик тут же спрыгнул с коляски и подал мне руку. Я аккуратно забралась в экипаж, стараясь не запнуться о длинную юбку бального платья.

— Заодно и обсудим, когда вам лучше посетить наше министерство.

Мы проехали только пару кварталов, как вдруг из-за угла выскочил какой-то человек и бросился к нашему экипажу. Возница был вынужден резко затормозить, чтобы не сбить его, я чуть вскрикнула от испуга.

В следующий миг этот ненормальный, бросившийся под копыта лошади, стремительно вытянул пистолет и, направив на нас с Левицким, начал стрелять.

Жгучая боль обожгла моё плечо, и я схватилась рукой за горящее место. Вскрикнув, дёрнулась в сторону, попыталась выпрыгнуть из коляски, но со всей дури втемяшилась головой в железный борт экипажа.

Последнее, что я увидела, — как возница спрыгнул с козел и со всего размаха саданул кулаком по лицу стрелявшего.

Глава 3

Пришла я в себя спустя какое-то время.

Отчего-то я сидела на полу коляски, её дверца была распахнута. Видимо, я отворила её, когда пыталась спрыгнуть.

Подняла голову. Увидела рядом неподвижного Левицкого, его окровавленное лицо и одежду. Мне стало дурно.

Надо мной вдруг склонился полковник Тихонов.

— Нина Георгиевна, вы живы!

— Что? Где я? — прохрипела я испуганно, глядя на Якова Петровича и не понимая, как он тут оказался.

— Не бойтесь, сударыня, я помогу, — успокаивающе сказал он, и я ощутила, как он осторожно поднимает меня на руки.

— Плечо…

— Да, я вижу, вас ранили, — тихо отозвался полковник.

Я же нервно вертела головой. Видела, что, несмотря на поздний вечер, вокруг собирались люди, проходившие неподалёку. Громкие взволнованные голоса, ропот, шум и истеричные крики женщин наполняли пространство. Я заметила городовых в белых мундирах. Они громко кричали и раздавали приказы каким-то людям.

Хаос царил на улице.

В этот момент двое полицейских, выкрутив руки стрелявшему в нас мужчине, связывали его. Убийца же истерично кричал:

— Землю и волю народу! Кровопийцы!

— Заткнись уже! — процедил один из городовых и саданул ему по лицу.

Яков Петрович быстро понёс меня прочь от тёмной коляски, а я всё вертела головой. Морщилась от боли, верх плеча невыносимо болел.

— Господин Левицкий? — спросила я полковника.

— Мёртв, — коротко ответила Тихонов. — Вам повезло, что попали только в плечо. С такого близкого расстояния это просто чудо. Возница тоже мёртв.

— Какой-то ужас.

— И не говорите. Я отвезу вас в больницу. Пока ещё полицейские очухаются, а вам срочно нужен врач. — Он уже донёс меня до какой-то пролётки.

Извозчик, стоявший рядом, помог Тихонову подняться на подножку. А полковник опустил меня на сиденье, осторожно придерживая.

— Нет. Никаких больниц, — запротестовала я. — Везите меня домой!

— Но...

— Я прошу вас, полковник. У меня есть знакомый врач, он сам осмотрит меня. Ему я доверяю.

— Как скажете, — кивнул Яков Петрович. — Тогда домой?

— Да. Спасибо вам, — промямлила я, морщась от невыносимой боли.

— Гони! — приказал Тихонов извозчику и с удивительной точностью назвал адрес моего особняка. — Быстро доставишь — дам целковый.

Мужик понятливо кивнул и начал понукать лошадь. Мы тронулись.

Тихонов осторожно придерживал меня. Я же почти лежала на его груди. Голова до сих пор кружилась, и я то и дело выпадала из реальности. Похоже, хорошо приложилась головой. Как бы сотрясения не было.

Каждое движение отдавалось яростной болью в руке. Я сжимала губы, пытаясь молчать, но иногда стон срывался с моих губ. Извозчик гнал с такой скоростью, что дома и улицы мелькали в ночном мраке.

— Вы позволите осмотреть вашу рану? — предложил вдруг Яков Петрович.

— Конечно же нет! Это неудобно! — возмутилась я.

— Будет лучше, если вы истечёте кровью? — возмутился полковник. — Снимите хотя бы пальто, я помогу вам.

Я кивнула. Простреленная рука жутко болела. Тихонов помог мне стянуть пальто, и я болезненно застонала. Не сдержалась.

Он начал осторожно ощупывать и осматривать руку. Шёлковое платье намокло от крови на плече и чуть ниже.

— Всё, Нина Георгиевна, — успокоил он, поправляя моё пальто, чтобы оно не упало. — Прострелено здесь, ниже плеча.

— Да, горит — прямо жуть.

— Я сейчас перевяжу, чтобы остановить кровь. Дальше доктор будет смотреть, что там.

Я кивнула. Полковник уже стянул с шеи свой шёлковый чёрный галстук и, пропустив его через у меня под мышкой, затянул его прямо на моём платье.

— Позволите использовать ваш шарф, сударыня?

Я кивнула. Яков быстро обматывал мою руку под плечом шёлковым шарфом, чтобы остановить кровь.

— Вы уверены, что не хотите в больницу?

— Да. Наш семейный доктор знающий, я ему доверяю.

— Хорошо, — кивнул полковник и добавил: — Отвезу вас и могу съездить за вашим знающим эскулапом.

— Не надо, попрошу кого-нибудь из слуг.

— Как вам угодно. — Он тут же придержал меня, ибо при очередном резком повороте я неуклюже повалилась на сиденье. — Вам дурно, Нина Георгиевна?

— С головой что-то. Кружится.

— У вас шишка на виске, — заявил полковник, рассматривая моё лицо. — Ударились головой? — Я кивнула. — Я буду крепче держать вас. Крепитесь. Скоро приедем.

— Откуда вы знаете, где я живу? — спросила я, когда он закончил перевязывать и накинул на меня пальто.

Он крепко держал меня в руках, прижимая к себе, чтобы меньше трясло.

— Я всегда досконально изучаю обстановку у той крепости, которую мне придётся брать штурмом.

Я прекрасно поняла, что он говорит о своей симпатии ко мне.

— Ещё и шутите? — огрызнулась я.

— Предлагаете мне заплакать и пожалеть вас, сударыня? Мне действительно жаль вас. Но что я ещё могу сделать в этой жуткой ситуации?

— И правда, — согласилась я.

Глава 4

Вскоре мы выехали на тихую улицу, до моего особняка оставалось не более пяти минут. Я сидела ни жива ни мертва. А ещё в голову лезли страшные мысли о том, что если пуля в плече, то придётся делать операцию. Может, и правда я сглупила и надо было поехать в больницу?

Но едва я представила больничный запах, кучу пациентов в приёмной, мне стало дурно. Я знала, что Феликс практиковал несложные операции по выезду. И надеялась, что он сможет вытащить пулю и у меня дома.

Пытаясь отвлечься от ноющей боли в руке и от вынужденной близости Тихонова, который так и продолжал удерживать меня, я спросила:

— Откуда вы взялись там, на улице, ваше высокоблагородие?

— Смешно признаться, но я следил за вами, — ответил Яков.

— Как это? Зачем?

— Хотел отвезти вас в своей коляске до дома, но увидел, что вы сели в экипаж господина Левицкого. Поэтому ехал за вами, а потом этот оголтелый с револьвером.

Настойчивый и упрямый. Впрочем, я сразу это поняла, ещё там, на приёме в австрийском посольстве.

Когда полковник занёс меня в парадную, всё так же на руках, из кабинета быстро вышел Владимир.

— Нина, что случилось? Вы кто, сударь? — спросил он удивлённо, пробегаясь по нам взглядом.

— Полковник Тихонов, — ответил Яков.

— Бабушка, ты упала? — тут же раздался звонкий голосок Людочки, она подбежала к нам, торопливо спустившись с лестницы.

— Ты почему не спишь, милая? — спросила я.

И опять в моей памяти всплыл тот неприятный разговор с её матерью. На днях истекал срок, который взяла Мария на раздумья над моим предложением. Жена покойного Осипа возникла в нашей жизни так внезапно, что я до сих пор была ошарашена. Боялась только одного: что Людочка уедет из этого дома.

— Я увидела, как тебя дядя выносит из коляски, и подумала, что ты заболела, бабушка, — ответила внучка.

— Какого дьявола тут происходит, Нина? Почему ты в таком виде? — уже недовольно осведомился муж.

Голос его был спокоен, но я видела, что он еле сдерживает себя.

— Нина Георгиевна ранена, нужен доктор, — заявил Тихонов, так и держа меня на руках. — Недалеко от посольства случилось трагедия. Я случайно проезжал мимо.

В этот момент моё пальто соскользнуло на пол. Рита, которая тоже прибежала сверху, быстро подобрала его.

— Бабушка, у тебя все платье в крови! — выпалила Людочка.

— В Нину Георгиевну стреляли, — объяснил Яков Петрович. — Я перетянул рану, чтобы остановить кровь. Но пуля, похоже, всё ещё в руке.

— Какого чёрта ты поехала одна, Нина? Ещё и Петра нет. Ты совершенно безответственно ведёшь себя, — начал Баскаков.

— Вместо того чтобы отчитывать меня, лучше бы послал за доктором Феликсом! — перебила я нервно мужа.

— Сам съезжу! — прорычал он. — Рита, проводи господина Тихонова в комнату Нины. — Я за Феликсом Игнатьевичем!

Полковник донёс меня до спальни, осторожно посадил на постель. Рита уже испуганно хлопотала надо мной.

— Могу я ещё чем-то помочь, Нина Георгиевна? — поинтересовался Яков Петрович.

— Даже не знаю.

Рука у меня нещадно болела, и я не могла ни о чём думать, кроме неё.

Но одна мысль всё ещё терзала меня. Я хотела знать подробности случившегося. Но Ростопчина сейчас не было в Петербурге: я отпустила его к матушке в Подольскую губернию. Она была при смерти. Пётр уехал ещё две недели назад и пока возвращаться не собирался.

— Что ж, тогда я пойду. Прилягте и приложите лёд к руке, пока врач не приедет, — посоветовал полковник. — Чтобы кровь опять не пошла.

— Спасибо вам огромное, — ответила я.

Рита осторожно помогла мне снять пальто, шляпку и туфли.

Тихонов направился к двери, и я окликнула его:

— Могу я вас попросить, Яков Петрович?

— Да?

— Могли бы вы узнать, кто это стрелял и зачем? Хочу знать все подробности.

— Понимаю ваше желание, Нина Георгиевна. Всё узнаю и расскажу вам.

Феликса муж привёз быстро. Осмотрев мою шишку на виске и руку, Ляпышев заявил:

— Пуля прошла навылет, но рана глубокая, надо зашивать.

— Хорошо, — с облегчением произнесла я, довольная тем, что пулю всё же доставать не придётся. — Зашивай.

Феликс сделал обезболивающий укол и начал манипуляции с моей раной.

— Вы ещё легко отделались, Нина Георгиевна, судя по тому, что рассказали мне, — обеспокоенно сказал доктор.

— Я думаю, что всё-таки покушались на Левицкого, а я под раздачу попала.

— Даже если и так, всё равно не стоило ездить одной в посольство, — мрачно заявил Владимир, который стоял тут же.

— А с кем мне ехать, позволь спросить? — тут же парировала я недовольно. Рука нещадно ныла, несмотря на укол. Я поморщилась, когда Феликс начал зашивать мне руку. — Ты всё время занят делами. До меня тебе дела нет.

— Не говори ерунду, Нина, — ответил хмуро Баскаков. — Я люблю тебя, и мне интересно всё, что касается тебя.

— Ну-ну. Потому, когда я прошу тебя куда-нибудь сходить, ты всё время занят. И сегодня я поехала одна по той же причине.

— Нет. Ты поехала сегодня одна намеренно, чтобы позлить меня.

— Это не так.

— Это так, Нина.

— Конечно, тебе лучше знать! — ехидно буркнула я.

— Ты хочешь поссориться?

— И не думала, — фыркнула я.

Хотя Владимир верно считал моё настроение. Он знал меня отлично. Мне хотелось устроить скандал, накричать на него, потребовать объяснений, разбить о голову изменника глиняный горшок, чтобы выпустить пар. Ревность, злость и неуверенность в себе пожирали меня сейчас.

Глава 5

Я понимала, что эти чувства разрушительны и глупы и надо взять себя в руки, но этот месяц измотал меня морально и эмоционально.

— Нет уж, уволь, я прекрасно всё вижу, — мрачно заявил Владимир. Видимо, и вправду на моём лице было всё написано. — Я зайду позже, когда ты будешь в более благодушном настроении.

«Не буду я в благодушном настроении, пока ты крутишь шуры-муры за моей спиной», — выкрикнула я про себя.

Но Владимир быстро покинул мою спальню, а я нервно выдохнула. Всё же надо потребовать у него объяснений насчёт этой темноволосой дамы. Но что, если он скажет, что больше не любит меня и уходит к ней? Я не переживу этого. Я понимала, что обожаю мужа. Он был именно тем мужчиной, который мне нужен: сильный духом, надёжное плечо, понимающий и любящий. До сего дня. Может, уже и не любил меня.

Я снова горько вздохнула.

— Всё, зашил. Теперь обработаю рану и перевяжу, — заявил Феликс, уже протирая мою кожу какой-то прозрачной жидкостью.

А я даже на миг забыла о своём ранении, пребывая в своих переживаниях.

Рита тихонько стояла чуть в стороне и ждала, чтобы помочь, если что.

— Теперь вам надо поспать, Нина Георгиевна, — велел доктор. — Рита, завари вот этот успокаивающий настой и валерьянки пять капель налей. Оставлю вам это лекарство, это если будут сильные боли. Но лучше его, конечно, не пить, к нему быстрое привыкание появляется.

Я поняла, что это за «лекарство». Прекрасно знала, что в конце XIX века прописывали от болей.

Ляпышев уже начал собирать свои инструменты, а Рита, убрав всё окровавленное, помогала мне облачиться в ночную сорочку и распустить волосы.

— Спасибо, что не обижаешься на нас, Феликс. И что приехал, — произнесла я, вздыхая.

— Вы про Аню? — тут же вскинулся он. — Профессиональный долг есть долг. Я врач и обязан приехать к пациенту, даже если мне это не по душе.

— И верно. Работу и чувства смешивать не стоит.

— Вы правы. Но всё же я надеюсь, что Анюта передумает когда-нибудь.

— Не тешь себя ложными надеждами, Феликс.

— Так, всё. Рита, вот мазь и лекарство, — заявил какое-то время спустя Феликс. — Будете мазать три раза в день перед перевязками. Справитесь?

— Думаю, да, — закивала горничная.

— Завтра я заеду к вам. Но рана лёгкая, даже постельный режим не требуется.

— Хорошо.

— Да, к шишке на голове можно ещё час холод прикладывать. Если будет тошнота или сильная головная боль, Нина Георгиевна, сразу за мной посылайте.

— Да, — кивнула я, понимая, что он опасается сотрясения мозга.

Ту ночь я спала хорошо. Валериана и сонные капли, что оставил Феликс, подействовали отменно. А наутро, проснувшись, почувствовала себя отдохнувшей и полной сил. Начала вертеть больной рукой. Она хоть и ныла при движении, но боли почти не было. И слабости, как предполагал доктор, тоже не наблюдалось.

Вскоре пришла Рита. Обработала мазью и перевязала мне руку. Рана выглядела зарубцевавшейся и чистой. К обеду должен был приехать Феликс после приёма в больнице и снова осмотреть меня.

Горничная помогла мне умыться, причесаться и надеть пеньюар. Умчалась за завтраком.

Я же выглянула в окно, где садовник пересаживал кусты роз. Я внимательно следила за ним, отмечая, что он всё делает правильно, как я и велела. Сегодня был погожий, тёплый денёк, редкий для поздней осени, как раз подходящий для этого дела.

Я снова и снова двигала плечом, чувствуя, что за пару дней совсем оправлюсь от раны, как и предрекал Феликс.

Вдруг сильные мужские руки легли мне на плечи, и я вздрогнула от неожиданности.

— Доброе утро, душа моя, — ласково произнёс над моим ухом Владимир и поцеловал в щёку.

Я не слышала, как вошёл муж. Он же обнял меня, осторожно прижимая спиной к своей груди, и спросил:

— Как ты себя чувствуешь? Рука болит?

— Не очень, — ответила я и тут же высвободилась из его объятий. Отошла к секретеру, принялась просматривать письма. На него упорно не смотрела и делала вид, что Баскакова нет в комнате.

Владимир же остался стоять у окна. Сложив руки на груди, он напряжённо спросил:

— Ты всё ещё дуешься на меня, Нина? Только я никак не пойму отчего.

— Не знаешь? — спросила я, обратив на него нервный взор.

Я так жаждала, чтобы он покаялся во всём сам. Рассказал об этой своей интрижке. Потому что сама я боялась говорить об этом первой. Мне казалось, это так унизительно. Словно я выпрашиваю у него любовь.

— Нет. На вчерашний бал ты поехала без меня намеренно, и…

— Значит, тебе нечего рассказать мне, Владимир?

— Нет.

— И не хочешь объяснить, отчего ты так сильно занят в последнее время?

Я уже не знала, как вытащить из него правду, задавала наводящие вопросы.

— Много работы, — ответил он, пожав плечами. — Но это же не повод обижаться на меня, так, Нина?

Я поджала губы. Работа, значит. Видимо, он держал меня за дуру. Я уже открыла рот, чтобы бросить ему в лицо фразу о том, что всё знаю про его амуры с другой. Но тут же закрыла его. И отвернулась.

— Уходи. Я хочу побыть одна.

— Может, позавтракаем вместе? — предложил Владимир.

— Нет.

— Нина, в чём дело? Я ведь вижу, что тебя что-то мучает. Расскажи мне всё.

— Если ты не догадываешься, что меня мучает, тогда нам не о чем говорить! — вспылила я.

— Опять завелась. Давай успокоимся и…

В этот момент вошла Рита с подносом еды.

— Уходи, сказала, — велела я мужу и демонстративно уселась за стол одна.

Отвернулась от него.

Баскаков стоял молча, наверное, минуту или две, испепелял меня взглядом. Потом процедил под нос ругательство и быстро покинул мою спальню.

Глава 6

Одной завтракать мне совсем не хотелось, и я попросила Риту позвать ко мне Людочку, если она встала. Сейчас внучка посещала гимназию госпожи Руслановой, и по будням я или Владимир завозили её рано утром на учёбу. Сегодня же был выходной, оттого девочка могла поспать подольше.

Оказалось, что Люда уже встала, а потому с удовольствием влетела в мою спальню и обняла меня. Я старалась вести себя естественно и не показать, что у меня болит рука. Просторный пеньюар это хорошо скрывал. Вчера я велела слугам и домочадцам не рассказывать внукам о моём ранении, не стоило им в таком юном возрасте знать, что на улицах города взрывали бомбы и стреляли из-за угла, как в фильмах про Дикий Запад.

— Ты что-нибудь помнишь о своей маме, милая? — спросила я внучку, когда она уже доела свой омлет и пила чай с шоколадной конфетой.

— Плохо, бабушка, — ответила Людмила. — Помню, у неё были тёмные волосы и тонкие руки. А ещё она была невысокого роста и очень ласковой.

Описание девочки вроде подходило под портрет женщины, что приходила две недели назад в наш дом. Личность этой дамы я скрыла и от прислуги, и от домашних. Знал о внезапно возникшей матери Людочки только мой муж.

Со слов Марии Литвиновой, всё это время она жила при монастыре послушницей и готовилась принять постриг в монахини, неизлечимо болела и работать не могла. Однако недавно она ездила в Троице-Сергиеву лавру, приложилась к чудотворным мощам и именно там почувствовала облегчение от своего недуга, а вскоре совсем выздоровела. Именно такую легенду рассказала мне Мария в прошлый раз.

Я попросила мужа разузнать, правда ли это. И на днях Владимир наведался в ту самую богадельню при монастыре, о котором упоминала молодая женщина, и подтвердил, что действительно в их заведении многие годы жила Мария Архипова, но недавно покинула обитель, полностью исцелившись.

Вроде бы рассказ Марии подтверждался, но какой-то червячок сомнения не давал мне покоя, и я не понимала, в чём дело.

Когда мы с Людочкой уже позавтракали, слуга доложил, что пришла Мария Литвинова.

— Выставить её вон и сказать, чтобы пришла позже? — спросил он.

— Нет конечно! Ещё обидится. Я сама спущусь к ней и поговорю.

— Но вы же больны, Нина Георгиевна.

— Ничего. Переживу, — ответила я, морщась, ибо в этот момент рука снова заныла.

Я уже была в домашнем платье, довольно свободном, которое не стягивало моё перебинтованное плечо и руку, и направилась вниз.

— Через четверть часа приведёшь в гостиную Людмилу Осиповну, — велела я Рите. — Но не раньше.

Горничная понятливо кивнула, а я направилась в гостиную, где меня ждала молодая женщина. Сегодня она выглядела ещё более удручающе и как-то облезло. Но я решила не обращать на это внимания, всё же жизнь у Марии была не сахарная. Дочь простого рабочего. Потом родила ребёнка от якобы богатого сынка, но оказалось, что его мать, то есть я, выгнала его из дому без средств к существованию за то, что он тайно женился на ней. Потом богадельня при монастыре и болезнь.

— Вот мои документы, сударыня, — заявила мне Мария. — Метрика Людочки и документ о венчании с вашим сыном, в церковной книге тоже можете проверить записи. Ещё мой паспорт.

Я бегло взглянула на документы, они и вправду выглядели настоящими. Метрика была потёртая и чуть помятая, какой и должна была быть, если бы хранилась много лет.

В прошлый раз я потребовала у Марии доказательства, а точнее, документы, подтверждающие личность, и доказательства венчания с моим сыном.

Но сегодня мне в голову пришла ещё одна идея. Я решила всё же дать увидеться Марии с дочерью, как и просила в прошлый раз Мария. И посмотреть со стороны на их реакцию друг на друга.

Проблема заключалась в том, что, судя по рассказам Людочки, она видела матушку в последний раз в четыре года. А потом попала в приют. Как мне сказала Клавдия на днях, Мария не могла прокормить девочку, ибо сама нуждалась и не имела работы, потому и отдала её в сиротский дом. Где малышка прожила пять лет, пока я не отыскала её и не забрала оттуда.

Потому я и надеялась, что Люда хоть что-то помнит о матери, ведь она была единственной, кто общался с ней, кроме Осипа. Мы же даже ни разу не видели Марию. Как я поняла со слов Клавдии, прежняя Нина категорически запретила общаться с Осипом всем домашним за то, что он пошёл против её воли и женился на дочери простого рабочего с Кировского завода.

Я с нетерпением ожидала возвращения Петра в столицу, чтобы поручить ему всё узнать об этой внезапно появившейся молодой женщине.

А сейчас хотела посмотреть на реакцию Людочки на мать. Потому, когда Рита привела девочку в гостиную, я вся превратилась в слух и зрение.

— Здравствуй, дочка. Я твоя мама, ты помнишь меня? — спросила Мария ласково, делая пару шагов к девочке.

Но Люда как-то настороженно смотрела на женщину, словно не узнавала её.

— Смотри, я привезла твоего любимого мишку, — произнесла Мария, доставая из ридикюля небольшую плюшевую игрушку и протягивая девочке.

Людочка на миг замерла, смотря на медведя, и тут же воскликнула:

— Мой мишка!

Она схватила его и прижала к себе игрушку.

— Ты же помнишь, милая, как мы кормили его пирожными в кафе? — продолжала молодая женщина. — Когда был жив твой батюшка?

Девочка вдруг улыбнулась и закивала.

— Да, он был такой чумазый, а папочка сказал, что медведи не едят торты, — ответила внучка.

После этих фраз сомнения в том, что Мария — мать девочки, у меня исчезли. Такие подробности могла знать только она. Хорошо, что я решила позвать Люду. Всё само и разрешилось.

— Мамочка! — вдруг воскликнула девочка и прижалась к молодой женщине.

Она обняла её в ответ.

— Теперь я вернулась, и мы будем вместе. Любимая моя. Как мы давно об этом мечтали.

— И снова пойдём вместе в парк?

— Да, и купим воздушные шары и петушка на палочке.

— Да, — закивала девочка. — Всё как и тогда, когда с нами был папочка. Я помню.

Больше у меня не было вопросов к Марии. Оставалось только убедить её в том, что я предложила ей три недели назад.

— Вы подумали над моим предложением, Мария Илларионовна?

— Чтобы проживать здесь с вами? — переспросила она.

Глава 7

— Да, — ответила я твёрдо. — Если останетесь в этом доме, Мария Илларионовна, вы ни в чём не будете нуждаться. У вас всё будет. Разнообразное питание, своя комната, небольшой приличный гардероб каждые полгода, постоянно сможете общаться с дочерью.

— Я думала об этом. И готова жить здесь ради Людмилы. Я понимаю, что ей здесь лучше.

— Именно так. — И, видя, что молодая женщина почти согласилась, добавила: — Конечно, большого содержания я вам не обещаю, но думаю, что смогу выделять вам в месяц небольшую сумму. На шпильки и булавки, как говорится.

— Это уже лишнее.

— Нет, не спорьте. Как компенсацию за то, что в прошлом я нехорошо обошлась с вами.

Я понимала, что прежняя Нина совершила огромную ошибку. Если бы она приняла жену младшего сына, возможно, и Людочка всё время жила бы в семье, а не мыкалась по приютам. А Мария бы не болела.

— Если так, я была бы благодарна вам, Нина Георгиевна. Но у меня есть два условия.

— Условия? Какие же, сударыня? — удивилась я искренне.

Я предлагала ей жить в красивом особняке на халяву, ни за что не платить и ещё положила ей деньги на карманные расходы, а у этой женщины были ещё условия ко мне? Она прямо огорошила меня своей дерзкой фразой. Но я сдержалась. Ради внучки.

— Я не буду терпеть к себе неуважения, — заявила высокомерно Мария, как будто была самой английской королевой. — Понимаю, что я из простых, мой отец был рабочим на заводе. Но я не потерплю к себе плохого отношения. Никто из вашего семейства и тем более из слуг не должен относиться ко мне высокомерно и зло. А то ваш дворецкий сегодня говорил со мной недостаточно почтительно.

— Я со всеми поговорю. И больше этого не повторится. Обещаю. В этом доме все будут уважать вас, Мария Илларионовна, как жену моего покойного сына и мать Людочки.

— Отлично. И второе. Я хочу иметь возможность устроить свою личную жизнь. Вы же понимаете, что я не могу всю жизнь быть одна?

— Да, конечно, — согласилась я. — Это ваше дело. Но только прошу не устраивать свидания в этом доме.

— Я и сама не хотела здесь.

— Прекрасно. Но, если вы вдруг решите выйти замуж, тогда ваш муж, Мария, сможет бывать здесь. Всё же вы член нашей семьи.

— Нет… замуж я вряд ли захочу, — поморщилась Мария.

Мне показалось это странным. А тогда что она имела в виду под отношениями? Фривольные встречи без обязательств? Или что? Я даже напряглась. Всё же она мать моей внучки, и не хотелось бы, чтобы она подавала дурной пример. Одной тётки Клавдии с её любвеобильностью уже достаточно для нежелательного подражания.

— Я просто до сих пор люблю вашего сына, Нина Георгиевна. И не представляю себя в качестве жены другого мужчины.

— Ясно, — сухо ответила я. — Тогда вмешиваться в вашу личную жизнь я не буду.

— Хорошо, что мы поняли друг друга.

— Когда вы намерены переехать к нам, Мария? Вы же позволите называть вас по имени?

— Как угодно. И, если можно, перееду завтра же. У меня как раз выходит срок уплаты за съёмную комнату в доходном доме.

Клавдия поправила на шее розовый газовый шарфик и громко постучала в дверь.

— Анатолий Францевич, можно? — заглянула она в кабинет заместителя главного редактора газеты.

— А, Клавдия Михайловна! — воскликнул импозантный мужчина с усиками и моноклем на правом глазу. — Входите, входите!

Молодая женщина прошла внутрь, звонко стуча каблучками лакированных белых туфелек. Анатолий Францевич вскочил со своего места за письменным столом, где были разбросаны газеты, какие-то вырезки и всякая всячина. Быстро поцеловал Клавдии ручку и восхищённо заметил:

— Вы, как всегда, великолепны, дорогая моя. Прямо услада для глаз.

Немного смутившись от столь явного намёка на её женскую привлекательность, Клавдия быстро выдернула ладонь из цепких рук мужчины, которую он, видимо, не собирался отпускать. И пытливо спросила:

— Как вам моя статья? Понравилась?

— О, главный редактор в полном восторге. Одобрил её с первого раза, ну, конечно, не без моей верной подачи, — ответил Анатолий Францевич, слащаво улыбаясь. — Будет напечатана уже завтра. На последней странице газеты, где выходят все объявления и интересные заметки.

— На последней? Но как же так?! Вы же говорили про вторую страницу.

— Ну, дорогая моя, не расстраивайтесь. Всё же газета у нас новостная. Но ваша статья выйдет почти на пол-листа. Это очень много, поверьте мне.

— Хорошо. Думаю, читательницам понравится моя статья.

— Конечно! Такая информация про эту Софью Ковалевскую, думаю, будет интересна женщинам. Мы уже давно хотим расширять аудиторию, так сказать, «завоёвывать» женский пол. И ваши статьи как нельзя более кстати.

— Это сказал главный редактор?

— Да-да, именно так, конечно, с моей подачи, — закивал Анатолий Францевич. — Мы согласны взять от вас в печать ещё пять подобных статей. Еженедельно будут выходить. Вы успеете написать?

— Конечно.

— Вот и прекрасно. Вы уже думали над персонажем следующей прогрессивной дамы?

— Думала. Буду писать про француженку, первую женщину-физика. А потом ещё есть задумки.

— Замечательно. Тогда жду от вас следующий текст через три дня, чтобы успеть отдать на проверку корректору.

— Договорились, — кивнула довольно Клавдия. Такая удача — попасть в авторы статей известной петербургской газеты! Оттого она только сейчас вспомнила и о гонораре: — А когда я получу деньги?

— За написанную статью можете хоть теперь у казначея, я уже дал распоряжение. А за последующие — по пятнадцать рублей за каждую.

— Пятнадцать рублей?

— Вы считаете, этого мало?

— Нет, что вы! Я даже не рассчитывала на такие деньги, — улыбнулась кокетливо она.

Эту улыбку Клавдии редактор принял на свой счёт и тут же пошёл в «наступление».

— Что вы делаете сегодня вечером, Клавдия Михайловна? — спросил мужчина.

— Сегодня у нас семейный ужин, традиция по субботам.

— Как мило. А завтра вечером?

Прекрасно поняв, к чему он завёл этот разговор, Клавдия произнесла первое, что пришло ей на ум:

— Мы с женихом приглашены на бал в Английский клуб.

— О, как интересно! Я тоже вечером буду там. Увидимся, — тут же довольно закивал Анатолий Францевич.

От редактора Клавдия вышла счастливая. Мало того что она могла заниматься любимым делом — писать занимательные статьи о том, что ей интересно, так ещё и появилась надежда получать за это деньги. За месяц — почти шестьдесят рублей. Хорошая сумма. Жалование приказчика на заводе или старшей медсестры в госпитале.

— Теперь матушка точно не скажет, что я сижу на её шее.

Её радостное настроение даже не испортили липкие намёки Анатолия Францевича. Всё же как было удобно, что у неё имелся жених! Сразу все вопросы отпадали, почему она не может.

Оставалось только уговорить Петра пойти с ней в Английский клуб на танцы, чтобы редактор не сомневался в том, что она говорит правду.

Глава 8

В субботу на ужин собралось всё семейство.

Пришли даже Антон со своей новой пассией — девицей Степанидой из варьете. В нашей семье было принято по субботам ужинать всем семейством, рассказывать о событиях, произошедших за неделю, и планах на будущее.

За эту неделю я полностью поправилась. Рука, благодаря мазям Феликса и его новой технологии лечения токами, на которые меня возил Пётр два раза в день, стала совсем здоровой. Остался небольшой шрам, и он со временем должен был разгладиться. Так обещал Феликс.

Пять дней назад наконец-то вернулся из Подольской губернии мой телохранитель, и я сразу же поручила Ростопчину всё разузнать о документах Марьи Илларионовны.

— Вчера я получила официальное приглашение на приём к министру, — заявила я, оглядывая все семейство, сидящее за столом. — Благодаря, конечно, Максиму Николаевичу, который, оказывается, в тот же вечер дал распоряжение записать меня на приём в министерство. Царствие Небесное ему, ответственный был человек.

— Матушка, это то, о чём мы говорили с тобой две недели назад? — спросил Антон.

— Да. Надеюсь, всё будет хорошо, — кивнула я. И на немой вопрос всех присутствующих сразу же пояснила: — Расскажу вам всем непременно, если всё получится.

С мужем я эту идею не обсуждала, и Владимир, сидящий от меня по правую руку, промолчал. Явно задетый тем, что я не посвятила его в свои новые задумки насчёт автомобилей.

— Нина Георгиевна, вы такая деятельная дама, — вдруг произнесла Мария Илларионовна, сидящая рядом с Людочкой. — И как вы всё успеваете, уму непостижимо!

Эта пафосная, подхалимская фраза прозвучала неискренне из её уст, и я сдержанно ответила:

— Всё можно успеть, если этого захотеть.

Мария громко хмыкнула и снова принялась уплетать свой кусок говядины, причём делала это так громко, что вилка скрежетала по фарфоровой тарелке. Быстро засунув в рот мясо, картофель и ещё что-то из еды, она начала жевать с набитым ртом так жадно, словно еду у неё отбирали. Тут же схватилась жирными от паштета пальцами за бокал с красным сухим и одним залпом выпила всё.

Я даже поморщилась.

Да, моя сноха не обладала светскими манерами. Я, конечно, тоже не была эталоном, так как воспитывалась не в этом мире. Однако, едва попав сюда, в первые недели натурально училась у окружающих людей, как правильно вести себя за трапезой, чтобы не выглядеть глупо или комично. Марию же это не волновало. Она вела себя так, как привыкла, совершенно не собираясь подстраиваться и угождать нам. Мне это и импонировало, и раздражало одновременно.

Снова окинув взглядом жену покойного сына, я перевела глаза на девицу Антона. Она, хоть и выглядела вызывающе и немного вульгарно в своём канареечном платье и диадеме с голубым пером в волосах, всё же вела себя сдержанно и постоянно молчала.

— Вы танцуете в варьете на Фонтанке, Степанида? — спросила я её.

— Нет, сударыня, пою. Я певица. И вскоре мне обещают первые партии в спектакле. Не хотите прийти посмотреть?

— Наверное, нет. Я не такая гурманка, как мой сын, — усмехнулась я, подумав о том, что теперь даже не могу сходить в низкопробное варьете, ибо потом это может сказаться на моём честном, добропорядочном имени.

Ведь приглашение в министерство требовало от меня соответствующего «правильного» поведения.

— Зря иронизируешь, матушка, — отозвался Антон. — Там девицы гораздо приятнее и проще, ведут себя естественно. Не то что барышни нашего круга.

— На меня намекаешь, братец? — тут же парировала Клавдия.

— И на тебя тоже, сестрица, — ответил Антон. — Вы же даже ручку не дадите поцеловать на свидании, если с букетом и шоколадом от Абрикосова не придёшь. Уже на первом свидании спрашиваете, сколько будущий муж должен выдать вам на содержание. Брр…

— Это не так, — возмутилась Клавдия.

— Антон прав, большинство девиц и молодых дам именно таковы, — подтвердил Пётр, сидящий рядом с Клавдией. — Деньги для них — главное достоинство мужчины.

— И верно, — подхватила вдруг Мария. — Если есть возможность выйти замуж за мужчину с деньгами, зачем же смотреть на нищего?

Ба-а… Я даже отложила вилку. Видимо, так она и поступила, выскочив замуж за Осипа, но обломала свои хищные зубки. Было в облике этой молодой жеманницы что-то хищное, стервозное, а в глазах — тёмно-развратное. Такая точно переспит и со стариком за деньги.

Даже Клавдия на её фоне казалась чистым, непорочным ангелом со всеми её косяками и распущенностью.

Однако Мария была матерью Людочки, и потому ради внучки я терпела её в своём доме. Главное, чтобы девочка была довольна. А в последние дни, с тех пор как Мария переехала к нам в особняк и заняла гостевую спальню, Людмила часто пропадала в комнате матушки. Я, конечно, проверяла, чем они занимались, не хотела, чтобы мою внучку учили чему-то плохому. Но они в основном играли в лото или разговаривали.

— Именно, Пётр. Ты прекрасно понимаешь меня.

— Не все такие, братец, — не сдавалась Клавдия. — Я не такая.

— Ну, не все девицы, как ты, хотят большой любви до гроба, — хмыкнул Пётр. — Некоторые мыслят рационально и думают головой.

Я прекрасно поняла, что он намекал на Аркадия. На то, что она так влюбилась, что забыла обо всем, ну и на первого мужа Клавдии.

— А я, значит, руководствуюсь другим местом, Пётр Алексеевич? — с вызовом поинтересовалась Клавдия у жениха.

— Да.

— И каким же?

Я даже напряглась. В голову полезло это самое место, ниже живота. И побоялась, что сейчас Ростопчин своими шутками оскорбит Клавдию, и они поссорятся. Я видела, что Пётр над ней подшучивает, а она всё воспринимала серьёзно.

— Дети! Ну что вы, перестаньте, — попросила я.

— Сердцем, — ответил Пётр. И я облегчённо выдохнула. — Но этот орган не всегда хороший советчик.

— Согласен, племянник, — вдруг сказал Владимир, обратив на меня долгий, пронзительный взгляд. — Иногда надо отключить эмоции, всё обдумать и обсудить спокойно и мирно. А не устраивать истерики на ровном месте.

Так… теперь камень был брошен в мой огород. Я, значит, истеричка, а он белый и пушистый!

Я пару раз выдохнула, чтобы не ответить мужу резко.

Сегодня отчего-то за ужином все мужчины взбесились и словно высказывали претензии. За столом повисла напряженная пауза. Я мрачно поджала губы, Клавдия демонстративно надулась, а Степанида уткнулась в свою тарелку с рыбой.

Вот и поужинали в семейном кругу.

Нормально себя чувствовала только Мария, которая продолжала жадно уплетать свой ужин. А лакей едва успевал подливать ей вина.

Гнетущее молчание нарушил дворецкий, появившийся в столовой и важно доложивший:
— Полковник Тихонов, Яков Петрович. Просят принять.

Глава 9

Я тут же встрепенулась и велела:

— Пригласи его сюда, Трифон. Скажи, что мы будем рады видеть его за ужином с нами.

Дворецкий кивнул, а Баскаков хмуро проворчал:

— Ты разве приглашала его, Нина?

— Да. Он обещал заехать, справиться о моём здоровье.

О том, что я просила полковника узнать подробности о происшествии, я решила не говорить мужу. Он и так уже нахмурил брови и смотрел на появившегося в дверях Тихонова, словно бык на красную тряпку.

— Ясно. Жаждешь, чтобы он снова оказывал тебе знаки внимания, о которых его не просили?

— А мне понравилось. Если бы не он тогда, я, может быть, истекла бы кровью и умерла.

— Не преувеличивай.

Я уже обернулась к Тихонову, который подошёл ко мне, целуя руку.

— Яков Петрович, рада вас видеть. Откушайте с нами?

— С большим удовольствием, Нина Георгиевна, — ответил полковник и важно уселся рядом с Петром. Указал рукой на большую корзину красных цветов, которую за ним занёс в столовую лакей. — Не знал, какие цветы вы любите. Но эти пахнут шикарно.

— Благодарю, ваше превосходительство. Иван, отнеси корзину в мою спальню. Буду вдыхать их аромат во сне.

Владимир громко положил вилку на стол и недовольно зыркнул на меня. Я же невинно улыбнулась ему в ответ.

Конечно, я переигрывала сейчас. Но мне так хотелось уязвить мужа, сделать так, чтобы он почувствовал то же самое, что ощущала я сама, когда увидела его с той темноволосой дамой.

После ужина мы перешли в гостиную. Внуков я отправила спать, было уже поздно. В какой-то момент я попросила полковника:

— Вы не составите мне компанию, Яков Петрович? Мне надо поговорить с вами.

Дважды Тихонова просить было не надо. Он тут же уселся рядом, прервав свою беседу с Петром.

Баскаков с грохотом поставил свой бокал на поднос и тут же демонстративно вышел из гостиной, заявив, что ему надо куда-то срочно позвонить.

— Вам удалось что-то узнать? — спросила я полковника.

— Как я и предполагал. Это дело рук народовольцев.

— Мда... — протянула я.

Интересно, что бы на это сказала бы Аня, которая помогала этим неадекватным, которые стреляли в её мать. Наверняка бы расстроилась. Хотя после неудачного замужества она, как я знала, не посещала больше этих террористов, считавших приемлемым убивать кого угодно на улицах города.

Анюты ещё не было дома. Последние недели она после учёбы подрабатывала во вторую смену в больнице. Приезжала домой ближе к одиннадцати. Хотя меня напрягало то, что она так изматывает себя, но я не запрещала. Ане нравилось работать в больнице, и она сразу же постигала на практике все теоретические знания, которые давали им в институте.

— Вам ещё повезло, Нина Георгиевна. Я узнал, что они готовили бомбу для покушения. Но что-то не получилось. Поэтому послали в итоге этого безумца с пистолетом. А то боюсь даже представить, что было бы. Хотя печальная кончина господина Левицкого — это да, жутко.

— И не говорите, Яков Петрович. И что, удалось арестовать всех?

— Нет. Только исполнителей. Что удручает. Полиция никак не может схватить главарей, которые планируют все эти зверства.

— Как жаль.

В этот момент в гостиную вошёл дворецкий и тихо доложил мне на ухо:

— Нина Георгиевна, там ваш брат пожаловал.

— Так пригласи его сюда.

— Модест Георгиевич желает говорить с вами наедине. Сказал, что это вопрос жизни и смерти.

— Опять проигрался, — сделала вывод я. — И будет клянчить деньги. В прошлый раз же дала ему почти три тысячи. И месяца не прошло! — возмутилась я.

— Вели выставить его вон и больше не пускать, — холодно посоветовал Антон, стоящий напротив, потягивая напиток из хрустального бокала. — Иначе это никогда не кончится.

Совет он дал дельный, но все же я решила не быть такой жестокой.

— Поговорю с ним. Брат всё же.

Пришлось идти в кабинет. Модест уже, как тигр, метался по ковру и нервно оглядывался на дверь.

— Нинель! — воскликнул он, едва я вошла, и бросился целовать мне руку.

— Давай только без театральных постановок. Сколько?

— Пять тысяч.

— Ты с ума сошёл? Думаешь, я деньги печатаю?

— Но у тебя же есть, я знаю!

— Есть, но не для тебя. У меня большая семья, дело и внуки, наконец. Или ты думаешь, я должна постоянно оплачивать твои игровые капризы?

— Нинель, пожалуйста, — с мольбой выпалил Модест. — Если ты мне их не дашь, меня упекут в долговую тюрьму, или, ещё хуже, я, возможно, не доживу до утра. Они страшные люди, слов на ветер не бросают.

У меня было дежавю. Я уже слышала нечто подобное. Похожая ситуация была, едва я попала в этот мир. И тогда денег я не дала, а Модест до сих пор был на свободе. А сейчас ещё придумал, что с ним могут расправиться.

Постоянно брал меня на какой-то понт, чтобы я, видимо, расчувствовалась и погасила его долги.

— Местные бандюганы, что ли? Тогда надо в полицию обратиться, Модест, — посоветовала я.

— Да у них в полиции свои люди. Бесполезно это, Нинель.

— Значит, заканчивай играть! Сколько можно уже, какой год деньги их меня тянешь.

— Нинель, ну, умоляю тебя. Хочешь, я встану на колени? Только дай денег, сестричка!

Я вздохнула.

— Дам только две тысячи. Больше нет. У меня новые проекты и заводы. Я экономлю каждую копейку. Даже Клавдии отказала в новых нарядах к Рождеству, — проворчала я, подходя к картине и отодвигая её в сторону. — А должна оплачивать твои игровые долги!

Встала спиной к Модесту, нажала код и открыла сейф. Модест жадно следил за моими действиями. Но я не беспокоилась. Где находился сейф в доме, знал даже садовник. Но открыть его никто не мог. Код знали только я и мой муж. А унести сейф можно было только с куском стены.

Достав нужную сумму, я протянула её брату и жёстко велела:

— Это последний раз, Модест. Больше ты не получишь. И даже если тебя найдут в канаве... ну, ты сам понимаешь. Я в этом виновата не буду. Ты сам выбрал свою жизнь, вот и разруливай сам. Больше в моём доме видеть тебя не хочу.

Я уже направилась прочь, как он вдогонку выпалил:

— Нинель, как же так? Я же твой брат! Единственный! Нинель!

Но я уже не слушала его, а быстро направилась в гостиную. Все же у меня в гостях был полковник Тихонов. И я не хотела пропустить ни одной его фразы относительно ближайших закупок и политики государства, которые теперь планировались в Государственном Совете и о которых он обещал мне рассказать.

Глава 10

На вечеринке в Английском клубе Клавдия с Петром появились около восьми вечера. Ростопчин особо и не сопротивлялся, заявив, что вечер у него свободный и он вполне сможет отвезти Клавдию, куда она там хочет.

Не прошло и часа, как на вечере к ним приблизился Анатолий Францевич и выразил удовольствие видеть их. Молодые люди, прокружив несколько вальсов и одну польку, в это время стояли с бокалами, которые разносили по залу официанты. Анатолий Францевич попытался пригласить Клавдию на следующий вальс, но она заявила, что жених ей не разрешает. Петра это хоть и позабавило, но он подтвердил:

— Да, сударь. У нас уговор. Я привёз сюда Клавдию с одним условием, что она будет танцевать только со мной.

Анатолий Францевич скорчил недовольную мину, но всё же «съел» это объяснение. Он быстро раскланялся и отошёл.

— И что это за долговязый хрыч? — проворчал Пётр, едва они снова остались вдвоём. — Раздел тебя глазами и даже не поперхнулся.

— Тише, это мой издатель. Заместитель главного редактора из газеты. Взял печатать мою статью, она выйдет в ближайшие дни.

— Ты всё же пошла туда? — приподнял бровь Ростопчин.

— Да... и ты был неправ. Им очень интересны женские темы, они хотят привлечь женщин-читательниц. Это ведь дополнительный источник дохода.

— Понятно, главное, ты довольна, — добродушно осклабился Пётр. — Рад за тебя. Но мой тебе совет: держись от этого павлина подальше. Проглотит, не поперхнётся, и понять ничего не успеешь.

— Считаешь меня малолетней глупышкой? — парировала Клавдия. — Я так-то замужем была. И разбираюсь в мужчинах.

— Ну-ну, потому и вляпалась, как муха в мёд, в сладкие речи Аркадия.

— Не начинай снова. Это была огромная ошибка, и я хочу позабыть о ней.

— Это верно. Твоя проблема, Клавочка, что ты слишком красива. — Пётр быстро притянул молодую женщину к себе, поцеловал в щёку и тут же пояснил свои действия: — Твой печатный хрыч смотрит на нас.

Она кивнула, также прижалась к Петру и дерзко спросила:

— Разве красота — это проблема?

— Нет, если использовать её с умом. А не падать в руки кому попало.

— Опять намекаешь, что я легкомысленна? Но поверь, глупых женщин в газетах не печатают, потому что у них нет своих мыслей, идей и авторской чуйки.

— Ладно, соглашусь. Пойдём уже танцевать, моя умница, а то твой поклонник Анатоль на нас дырку глазами прожжёт. В общем, держись от него подальше, если не хочешь проблем на свою... ну, ты поняла.

Они долго танцевали, пили красное, развлекались, забыли о времени и обо всем, словно и вправду были женихом и невестой.

Спустя час, устав кружиться в вальсе, Клавдия взмолилась и попросила чуть отдохнуть. Ростопчин понятливо кивнул, подхватил два бокала красного и предложил поиграть на бильярде в соседней зале, зная, что Клавдия любит следить за этой игрой. Она согласилась, и они устремились в нужную комнату. Но в биллиардной никого не было.

— А играть-то не с кем, — сделал вывод Пётр, проводя взглядом по пустынной бильярдной. — Так что придётся всё же тебя учить, невестушка.

— Я не против, — согласилась тут же Клавдия, беря из его руки кий и ставя бокал с напитком на столик рядом.

Уже через пять минут Пётр подошёл вплотную к молодой женщине, положив ладони на её руки и показывая, как верно взять кий.

— Не так же, Клава, — выдохнул он ей на ухо. — Я же тебе показал, как надо.

— Плохо, значит, показал, — рассмеялась она в ответ.

— Смотри.

Спустя пару минут кий вдруг выпал у неё из рук. А она опомнилась тогда, когда губы Петра уже накрыли её губы, целуя. Как это произошло, Клавдия даже не поняла. Но тут же прервала поцелуй, отвернув лицо.

— И зачем ты это сделал? — рассмеялась она. — Никого же здесь нет, никто не смотрит.

— Хотел и сделал, — ответил серьёзно Ростопчин, смотря ей прямо в глаза.

Клавдия тут же стала серьёзной. Убрала руки молодого человека со своей талии и строго заявила:

— У нас сделка, забыл? И никаких вольностей и поцелуев.

— Не горячись. Шампанское мне в голову, видимо, ударило.

— Так и есть, — фыркнула она, отворачиваясь от него.

Но вдруг его рука снова легла на её талию. И прошлась ласкающим жестом ниже, к ягодицам, перебирая упругий шёлк на её платье.

— Но я не прочь повторить наш поцелуй, — жарко прошептал Пётр ей на ухо.

Клавдия резко развернулась и хлопнула его по дерзкой руке.

— Вот, значит, кем ты меня считаешь? Думаешь, если я глупо вела себя с Аркадием, то можно считать меня легкодоступной?!

— Я этого не говорил, — ощетинился тут же Пётр.

— Но подумал, потому и с поцелуями сейчас полез, и руки распускаешь!

— И чего ты взъелась? Ну, поцеловал, и что такого?!

— Ничего. Поехали домой, я устала! — процедила она.

Развернувшись, Клавдия быстро устремилась прочь из пустынной биллиардной в сторону залы.

— Слушаюсь, мадам Вредина, — процедил ей в ответ Пётр, медленно следуя за ней и проходясь горящим взглядом по соблазнительным нижним округлостям «невесты», которые хорошо обрисовывал тонкий светлый шёлк её платья.

Глава 11

В тот день я опаздывала на заседание суда. Присяжные заседатели должны были вынести своё решение по Ксении. Виновна она или нет. Хотя доказательств её вины имелось достаточно, но её папаша, мой бывший муж Литвинов, делал всё, чтобы обелить дочку. Даже попытался дать взятку двум присяжным. Однако они оказались на удивление порядочными гражданами и доложили о том в полицию. За это Литвинова наказали штрафом и запретили появляться в суде до окончательного слушания дела.

Сегодня судья должен был вынести приговор, после того как присяжные признают Ксению виновной. В чём, собственно, я и не сомневалась. Обвинением занимался мой муж лично, а в его неординарном уме и уникальных способностях как юриста я не сомневалась, как, впрочем, и Михаил. Именно поэтому Литвинов и пытался подкупить присяжных.

В суд я пришла с мужем. Все время, что ехали в моей «Нинель», мы молчали. Дулись друг на друга. Он — на визит полковника позавчера, я — просто не хотела говорить с ним, боялась сорваться. Но понимала, что говорить об этой брюнетке всё равно придётся, и желательно, как можно скорее. Наконец выяснить всё и не мучиться сомнениями. Я уже была готова услышать правду, какой бы горькой она ни была.

В суде было многолюдно, некоторые пришедшие стояли даже в проходах.

Желающих узнать приговор девицы, которая обманом поселилась в моём доме и жаждала убить меня, оказалось предостаточно. Интерес ещё подогревался тем, что Ксения мстила за свою несчастную мать. И это казалось так романтично и трагично в глазах зевак, которые именно это и обсуждали, едва я с Владимиром вошла в просторный зал суда.

Людской гул чуть смолк, и взоры устремились на меня. Видимо, теперь начали обсуждать мою персону.

Я сделала непроницаемое лицо и заняла место в первом ряду вместе с Владимиром, с другой стороны сидели Пётр и Антон, которые уже были здесь.

Ксению привели спустя полчаса, когда началось заседание. Мой муж снова зачитал все обвинения с кратким изложением улик и доказательств. А затем адвокат Ксении, один из лучших в Петербурге, которого нанял Михаил для дочки, произнёс защитную речь. Дали слово Ксении, и она только истерично выкрикнула:

— Она виновна в болезни моей матери и в том, что я не знала отца!

А из зала кто-то вымолвил:

— Бедная девочка!

Я едва сдержалась, чтобы не повернуться и не посмотреть, кто это сказал.

Вот так тебя полгода пытаются упорно укокошить всеми способами, а потом находятся те, кто жалеет эту «девочку». Просто феерично!

Потом коллегия присяжных заседателей удалилась в отдельную комнатку, и спустя полчаса они вынесли свой вердикт:

— Обвиняемая виновна по всем пунктам в покушениях на госпожу Литвинову.

Я даже выдохнула с облегчением. До последнего боялась, что её оправдывают. Владимир мне чуть улыбнулся, глазами показывая: «Я тебе обещал, и всё вышло как надо».

Судья через пару минут вынес приговор:

— Ксения Осинцева, в связи с тем, что госпожа Литвинова жива, ваше наказание будет не таким строгим. Вы приговариваетесь к пяти годам проживания в Сибирском поселении и к пятнадцати ударам кнутом.

Заседание объявили законченным, и все начали расходиться.

— Ксюшенька, не переживай, я всё устрою! — закричал Литвинов дочери. — Не будут тебя бить кнутом! Я заплачу штраф за это!

В ответ девица только горько всхлипнула, утирая платком слёзы. Сейчас она казалась действительно несчастной, жалкой жертвой обстоятельств. И на миг я даже пожалела её. Но тут же вспомнила, с какой ненавистью и хитростью она продумывала все преступления и играла нужные роли, потому моё желание пожалеть её вмиг улетучилось.

— Будешь жить как барышня там, на поселении. Я договорюсь! — продолжал громко Михаил Андреевич.

Я даже поморщилась. Конечно, Литвинов тот ещё гад, но чего у него не отнять: детей своих он безумно любил и готов был в лепёшку расшибиться, чтобы у них всё было хорошо. Ведь именно он договорился, чтобы Анюту без опыта взяли на работу в больницу, а Клавдии постоянно давал какие-то деньги на Сашеньку.

После этого Ксению вывели из залы под конвоем, а Михаилу урядник, следивший за порядком, строго велел:

— Сударь, заседание окончено. Покиньте помещение.

— Госпожа Литвинова, господин министр вас ждёт. Проходите, пожалуйста, — раздался приятный голос секретаря рядом.

Я встрепенулась и быстро встала. Вошла в просторный кабинет министра внутренних дел.

Поздоровались, и мне предложили сесть.

— Нина Георгиевна, нас весьма заинтересовало одно из ваших предложений, — заявил министр, сидящий за столом в позолоченном мундире с орденами.

— Только одно, Иван Николаевич? — осторожно спросила я.

— Да. К сожалению, а может, и к счастью, в машинах для полиции мы не нуждаемся. Урядники вполне успевают и на лошадях прибыть к месту происшествия или драки. А уж для расследования преступлений вообще ни к чему скорость ваших автомобилей, которую вы ставите главным преимуществом вашего предложения.

— Возможно, — удручённо вздохнула я.

— А вот пожарные машины — это другое дело. Порой счёт идёт на секунды, и я уверен, что это предложение очень интересно для нас, — с воодушевлением заявил министр.

Именно министерство внутренних дел в эти годы обеспечивало пожарную безопасность в Петербурге, да и по всей стране, оно же занималось организацией пожарных команд.

— Хорошо. Я как раз с моими инженерами подготовила проект будущей пожарной машины. Здесь и бак для воды, и шланг, и места для пожарных.

Я вытащила из своей сумочки зарисовки и картинки, которые мы обсуждали с моим инженером и конструктором.

Министр начал с интересом рассматривать рисунки, задавал вопросы, пытался разобраться.

Конечно, инженеру и конструктору я озвучивала свои идеи, какой должна быть пожарная машина по воспоминаниям из прошлого мира. Однако, как реально выглядели первые пожарки начала XX века, я, хоть убей, не помнила.

Глава 12

— Здесь хорошо, — заявил, кивая, Иван Николаевич. — Но вот шланг для воды надо сделать длиннее, не менее тридцати метров. И лестницу бы ещё, или две, разместить где. Да и всего у вас четыре пожарных сзади сидят. Этого мало, не меньше восьми надобно.

— Восьми? — опешила я, понимая, что разместить такое количество людей проблематично в четырёхколёсном автомобиле. Тут уже минивэн или автобус маленький нужен.

— Именно. Министерство не может себе позволить закупать несколько машин на одну пожарную часть. Так что все дежурные пожарные должны выезжать сразу на одной. В некоторых частях бывает и до дюжины человек.

— Поняла, Иван Николаевич, — ответила я, не показывая даже взглядом, что это проблема.

Хотя как разместить двенадцать человек сразу в одной небольшой машине, я не знала. А мини-автобус министр никогда не утвердит. Что и подтвердил его следующий вопрос.

— И по стоимости, вы считали, сколько получается? Очень долго? Как вы понимаете, в государственном бюджете денег немного, мы на всем экономим.

— Да, посчитали. Вот примерные расчёты, — ответила я, подавая очередной лист министру. — Но окончательную стоимость мы сможем посчитать только после утверждения точного проекта.

Министр бегло просмотрел расчёты и опустил глаза на итоговую цифру внизу.

— Да вы с ума сошли, Нина Георгиевна?! — тут же возмутился он. — Пятнадцать тысяч! Это бешеные деньги. Нет, за одну машину это баснословно дорого. Нет-нет. Это неприемлемо.

— Но вы же понимаете, что часть материалов нам приходится закупать уже готовыми. Например, шины или алюминий для осей и другое, а это недёшево.

— Понимаю. Но мы готовы покупать у вас машины только по стоимости не более семи тысяч. Это предел.

— Это невозможно, Иван Николаевич. Я не могу до такой степени снизить себестоимость. Это нереально. В автомобиле много всего дополнительного, чего нет в обычных машинах. За счёт этого такая цена.

— Отчего же невозможно, сударыня? Вы же знаете, покойный Максим Николаевич занимался поиском новаторских решений и нашёл весьма интересного производителя телег. Они предлагают сделать пожарную машину за две тысячи. И так же с баком для воды и шлангом.

— Но это же будет телега, управляемая лошадью! Чем она отличается от конных пожарных конвоев, используемых сейчас? Вам же нужна скорость.

— Согласен. Скорость — это главное. Именно поэтому мы и пригласили вас. Мы хотим оснастить машинами все пожарные части. Понимаете, его императорское величество Николай Александрович в своём последнем указе приказал снизить число погибших жителей при пожарах и в других катастрофах вдвое. А без машин нам этого не достичь. Не успевают они на телеге. Порой всего пара минут — и деревянный дом вспыхивает как спичка, потому и жертв много. Только поэтому мы и заинтересовались вашим предложением.

— Я уже это поняла. Мы можем сделать на десять процентов дешевле, но вдвое...

В моей голове уже крутился первый пункт плана: немедля запускать свой завод по выпуску резины. Недорогих поставщиков каучука Антон уже нашёл, а мой новый приказчик набрал людей, требовалась пара недель, чтобы запустить конвейер. Значит, его надо запускать быстрее. Так мы сэкономим почти пять процентов себестоимости. А надо было пятьдесят.

Я понимала, что на новом заводе, который я как раз сейчас достроила под выпуск этих пожарных машин, придётся сокращать зарплаты.

А я этого не хотела. Не работать же в убыток, только чтобы получить госзаказ.

— Вы не горячитесь, Нина Георгиевна, всё обдумайте, обсудите с вашими работниками. Может, получится у вас сократить стоимость. Но семь тысяч — это окончательная цена. Только по ней мы сможем заключить контракт с вами на первые двадцать машин.

— Я понимаю.

— Тогда я вас больше не задерживаю. Жду через неделю с новым предложением, — заявил министр и улыбнулся уголками губ. — И думаю, оно у вас появится. В противном случае мне придётся искать кого-то другого для усовершенствования оборудования наших пожарных частей.

«Скоростные телеги с летающими Пегасами», — мрачно пошутила я про себя.

Какая телега?! Она и рядом не стояла с моей пожарной машиной. Но я прекрасно понимала министра. Они хотели получить нужную, функциональную «конфетку» — машину за минимальные деньги.

Я встала, распрощалась с Иваном Николаевичем и вышла.

Секретарь при выходе записал меня на следующий приём к министру через неделю и предложил чаю. Я отказалась и поспешила наружу, погружённая в свои мысли.

Я начала уже думать о том, чтобы исключить из стоимости свою заложенную прибыль — это двадцать процентов — и готова была поставлять пожарные машины по себестоимости и работать в ноль. Ведь я знала, для чего сюда приехала, и понимала, что, если заключу контракт с министром на пожарные автомобили, это будет мощнейшая реклама нашего предприятия «Яковлев и Ко», от которой точно поднимутся продажи моих «Нинель».

Если прибыль убрать, останется ещё двадцать пять процентов. Как их сэкономить, было пока неясно. А ещё эта дюжина пожарных и лестница. Я совсем потерялась, и мои мысли были в хаосе. Надо было все хорошенько обдумать и, конечно, посоветоваться с моими инженерами и конструкторами.

Но я понимала одно: упускать такую возможность — госзаказ на производство пожарных машин — полная глупость. Только в одной столице пожарных команд было около трёхсот, а по всей империи тысячи. И все машины для тушения пожаров могли выпускаться на моём заводе. И упускать такую рекламу и такой «лакомый кусок» было никак нельзя. Поэтому надо было хоть ужом извернуться, но как-то сократить стоимость машины вдвое, а ещё учесть все пожелания министра. И, конечно, все сделать быстро, пока на этот контракт не «нарисовался» кто-то другой, желающий поставлять пожарные автомобили.

Глава 13

Санкт-Петербург, Обуховская больница
1896 год, 25 ноября

Анюта сосредоточенно перебирала бумаги в выдвинутом ящике большого шкафа, когда в ординаторскую вошёл Богдановский.

— Вы здесь, Анна Михайловна? В такой поздний час? — удивился молодой человек, проходя внутрь и критически оглядывая фигуру девушки в сером платье и белом переднике.

— Павел Соломонович велел привести в порядок личные дела пациентов.

— Конечно, кроме вас, ведь некому этим заняться, — кисло заявил Богдановский, проходя внутрь небольшой ординаторской, и устало упал на стул.

— Вы что-то имеете против, Николай Фёдорович? — с вызовом просила Анюта.

— Да нет, — пожал он плечами. — Делайте, что велено.

— Благодарю, — тихо огрызнулась она себе под нос.

Николай тяжело вздохнул и почти заставил себя перевести взгляд на письменный стол.

Достал из своего ящика нужную папку и раскрыл её. Надо было заполнить данные о пяти сегодняшних операциях, где он ассистировал профессору Платонову, но сил не было. Почти восемь часов на ногах и в постоянном напряжении: одно неверное движение скальпелем — и больной умрёт. Устал как собака. А ещё писать не меньше пяти страниц. Платонов любил подробные отчёты. Потому надо было начинать.

Николай снова вздохнул. А тут ещё она. Мельтешила рядом и не давала сосредоточиться. Опять его взгляд остановился на тонкой фигурке девушки у шкафа с ящиками.

— Смотрю я на вас, милая моя, и думаю: уже поздно, на улице темень, — не удержался Николай от замечания. — Вас разве не ждут дома?

Аня оторвалась от своего занятия и внимательно посмотрела на молодого врача.

Богдановскому было лет тридцать. Русоволосый, с аккуратно подстриженной бородкой и усами, живыми серебристыми глазами и приятным лицом, он казался сейчас довольно добродушным и даже симпатичным. Но она знала, что это впечатление обманчиво. Его жёсткий характер, ледяной взгляд на операциях, когда она подавала инструменты, мог заморозить кого угодно. И только попробуй дать не то, что он или его коллега просили. Потом выговор в коридоре на полчаса с «разбором полётов» по полной.

А ещё Николай Фёдорович не переваривал её, Аню. Точнее, только её и не переносил. Со всеми сёстрами и персоналом держался холодно и отстранённо, отдавал краткие приказы или просьбы. А с ней постоянно вступал в перепалки. И Аня знала, что Богдановский, которому пророчили выдающееся будущее как талантливому хирургу, её недолюбливал. Вот бесила она его одним своим видом — и всё тут. И что с этим делать — непонятно.

И отчего он вдруг решил завести с ней задушевный разговор, она не понимала.

— Я вам не милая, Николай Фёдорович. И дома меня действительно ждут. Но это не должно занимать вас, — ответила Анюта холодно.

Сегодня в смотровой, когда она нечаянно выронила баночку с нашатырным спиртом и разбила её, он заявил ей в лицо, что таким неумехам не место в больнице. Аня тогда промолчала при пациенте, но обиделась. Хотела, конечно, сказать, что просто устала. Всю ночь готовилась к утреннему зачёту в институте, а потом, после сдачи, сразу же побежала в больницу. Оттого была немного неуклюжая, с шальной головой.

А сейчас вечером, хотела после смены пойти домой поспать наконец, но Павел Соломонович очень просил её задержаться. Разобраться с делами больных, сложить всё аккуратно. Так как все сестры уже убежали домой, Аня, которая замешкалась в перевязочной, оказалась

крайней. Нет, она не сердилась на профессора Платонова, наоборот, хотела показать себя ему как хорошего сотрудника, поэтому с энтузиазмом и взялась разбирать карточки пациентов. Но сейчас явился этот невозможный Богдановский и опять начал третировать её словами.

— А вот представьте, меня это волнует, — не унимался важно Николай. — Уже почти десять вечера. На улицах неспокойно в этот час. Как вы пойдёте одна?

— Да что со мной может случиться? Бросьте, это пустое.

— Конечно, думать и анализировать — это не удел девиц, голова которых занята новыми нарядами и модным цветом губной помады.

Аня напряглась.

Поняла, что он намекает на её вчерашнюю губную помаду, которой она накрасила поутру губы. Неяркий алый цвет, но в операционной, когда Аня готовила инструменты для операции, Богдановский так красноречиво посмотрел на её губы, что девушке стало не по себе. В первом же перерыве между операциями она побежала в туалет и смыла всю помаду с губ.

Скрестив руки на груди, Аня недовольно спросила молодого человека:

— Вот скажите, пожалуйста, что вам от меня надо?

— Да ничего, собственно, Анна Михайловна. Просто беспокоюсь о вас.

— Так я и поверила в вашу заботу, Николай Фёдорович! — фыркнула девушка. — Когда я знаю, что вы на дух меня не переносите. Невзлюбили меня с первого же дня, едва я появилась в больнице!

Глава 14

— И вовсе это не так, — тут же заявил Николай Фёдорович в ответ на обвинения Анны.

— Так. Я вам не нравлюсь, признайте это. И теперь ваши лицемерные заботы совсем не к месту.

Богдановский пронзил Аню негодующим взглядом и поднялся на ноги. Медленно приблизился и остановился в шаге от девушки. Чуть склонился, так как был выше её на голову, и тихо произнёс:

— Вы зря ищете подвох в моих словах, Анна Михайловна. Я всегда говорю то, что думаю.

— И я прекрасно знаю, что вы думаете о том, что мне в больнице не место.

— Не угадали. Думаю я о том, что вы невозможная гордячка, к тому же обидчивая. И слово вам не скажи, сразу обижаетесь. Хотя это понятно. Выросли вы в золотой колыбели и ни в чем отказа не знали.

— А моё происхождение тут при чём?

— Да при всём, милая моя Анна Михайловна. — Ему словно нравилось дразнить её этим «милая моя», которое она просила ей не говорить. — Сначала вас устраивают в больницу по знакомству и сразу на должность второй медсестры. Потом слова вам не скажи, иначе Павел Соломонович как мальчишку меня отчитает. Теперь в лицо говорите, что я самодур и лицемер. А я просто спросил, как вы пойдёте домой одна.

Говоря это, он всё сильнее приближался к ней, так что в какой-то момент Аня ощутила, что её грудь касается пуговиц на его расстёгнутом белом халате, надетом на добротный твидовый пиджак. Лицо Николая оказалось совсем близко, и Аня занервничала от его давящей властной близости. Его слова о том, что она богатая, избалованная выскочка, вызвали недовольство у девушки.

— Ну, если я избалованная гордячка по-вашему, то вы точно невоспитанный мужлан. Может, уже отодвинетесь от меня, Николай Фёдорович? Мы вообще-то тут одни, и это непозволительно.

— Ну да, конечно. Опять ваши царственные манеры, Анна, — вздохнул молодой человек, отступая на шаг. — И да, я из мужицкой семьи, и всего добился сам. Потому не понимаю этой вашей философии.

— Какой же?

— Высокомерной. Я лишь спросил, как вы дойдёте до дома, а вы сразу начали огрызаться.

— Не было этого.

— Было.

— Хорошо, было. Но что вам до того, как я пойду?

— Хотел вас проводить.

Аня открыла рот, опешив, потом закрыла. Занервничала отчего-то. Отвернулась.

— Наверное, я пойду уже , и правда очень поздно.

— Верное решение, Анна Михайловна, — раздался его голос совсем рядом.

Девушка схватилась за выдвинутый ящик, чтобы закрыть его. Но в этот момент Николай тоже решил закрыть его, чтобы помочь. Оттого нечаянно накрыл кисть девушки своей ладонью. Аня ойкнула, тут же вытянув свою руку из-под его, а Богдановский, не менее смущённый от этого нелепого прикосновения, выпалил:

— Простите.

Аня резко развернулась к нему, уже пылая щеками.

— Я пойду, Николай Фёдорович, — нервно выпалила она.

— Как вам будет угодно, — кивнул он, так и стоя у неё на пути и не двигаясь с места. — Вас всё же проводить?

«Упорный», — подумала Аня. В первый раз она сделала вид, что не расслышала его предложения, но он снова повторил его.

— Думаю, не стоит. Мне идти недалеко.

— Знаю. Четыре квартала. Но как вам угодно, Анна Михайловна.

Эта фраза окончательно огорошила Аню. Он что, знал, где она живёт? Но почему нет? Знал же он, что её семейство богато.

Он опять замер и впился пронзительным взглядом в её лицо, словно изучая.

— Можно мне пройти? — тихо вымолвила Анна, совершенно смущённая.

— Да, конечно.

Богдановский быстро отошёл. Аня захлопнула шкаф и, подхватив свой список пациентов, почти вылетела из ординаторской.

— Господа, но вы забываете ещё о коробе с песком. Куда его крепить? — спросила я, невольно взглянув на часы на стене, где выскочила механическая кукушка, прокричав нужное количество раз.

Было уже около одиннадцати вечера, а мы допоздна засиделись в кабинете с моими служащими. Сейчас в моём доме были четверо мужчин: два конструктора, инженер и счетовод. Обсуждали мы уже второй день подряд новый пожарный автомобиль. Через три дня меня ждал министр с подробным расчётом стоимости и дизайном машины.

Сегодня я была весь день занята на новой фабрике, на которой устанавливали конвейеры по сборке двигателей для новой пожарной машины. Хотела всё проконтролировать сама. Поэтому велела мужчинам прийти после ужина, около семи.

— Можно сделать ларь под сиденьем, — предложил конструктор. — Им же будут пользоваться, когда никто не сидит в машине. Потому достать песок не составит труда.

— Хорошая идея, — похвалила я, довольно улыбнувшись. — Хотя и сама задумка посадить пожарных в два ряда спинами друг к другу тоже хороша! Сэкономит место и позволит уместить дюжину мужчин, как требовал министр.

— Именно так возят рабочих на телеге, когда их много, — добавил конструктор.

— Значит, так и сделаем, — согласно кивнул инженер.

— Я тут подумал, Нина Георгиевна, — вмешался в разговор мой старший счетовод, который до того что-то скрупулёзно высчитывал в своей записной книжке. — Над тем, что вы сказали. Как нам уменьшить стоимость машины.

— Слушаю, Валериан Иванович?

Глава 15

— Если мы сможем выпускать резину сами, это сэкономит нам пять процентов затрат, — озвучил свои мысли счетовод. —А ещё оси и сами колеса изготовлять не из стали и дорогого алюминия, а из дерева. Это будет в десять раз дешевле.

— И в десять раз чаще будут ломаться, — уточнил инженер.

— Согласен, — кивнул Валериан Иванович. — Но, даже если менять деревянное колесо каждые два года, это выйдет дешевле в три раза, чем сейчас. Если взять все двадцать лет эксплуатации, на которые мы рассчитываем, и сопоставить стоимость теперешних колёс и десяти колёс из дерева, которые будут периодически меняться, выходит экономия в четыре раза. Вот я тут прикинул в блокноте. Взгляните, Нина Георгиевна.

— Очень интересно.

— Конечно, точно суммы я рассчитаю, когда мы утвердим окончательный проект машины и Иван Иванович даст мне все размеры.

— Понимаю, — кивнула я. — А ещё, господа, я думаю, надо как-то удешевлять сам корпус автомобиля. Посмотреть, может, заменить материалы на более дешёвые.

— Можно, если использовать дешёвую кожу или ту же резину в некоторых местах. Сейчас ещё появился новый материал — брезент. Очень прочный и недорогой.

— Да! Тоже хорошая мысль.

Мы пообсуждали все детали ещё четверть часа, и я наконец отпустила мужчин домой.

Сама же ещё осталась в кабинете, чтобы поразмыслить и посмотреть расчёты счетовода. Сидела в тишине с тикающими часами и приоткрытой створкой двери, ведущей в сад. Сегодня вечером отчего-то потеплело до пятнадцати градусов, и было очень душно.

Совсем потеряла счёт времени и вздрогнула, когда дверь в кабинет резко открылась. Вошёл Владимир.

— Ты ещё не спишь, душа моя? — спросил он.

Увидев мужа, я изменилась в лице. И мной опять овладели обида и ревность. Взглянула на часы. Было чуть больше полуночи.

— Ты только вернулся? — холодно поинтересовалась я.

— Да, — вздохнул Владимир и как-то виновато улыбнулся, подходя ко мне. — Извини. Это дело с иностранными компаниями такое запутанное, что опять просидел допоздна с клиентами.

Он уже оказался рядом за спиной и легко сжал мои плечи тёплыми ладонями, поцеловал в щёку. Я никак не отреагировала на его ласку, только застыла как статуя.

— Как и позавчера, — выдала я желчно, ощущая едва уловимый запах женских духов, исходящий от его дорогого пиджака.

И эти духи были не моими.

Напряглась и дёрнула плечами, чтобы убрать его руки. Чуяла, что он только что вернулся не от клиентов, а от той самой элегантной дамы.

— Что-то не так, Нина? — спросил он.

— Всё нормально, — холодно ответила я, делая вид, что меня занимают бумаги, на самом же деле уже завелась и хотела бросить ему в лицо обвинения.

— Вижу, что ты опять не в духе, — сказал глухо Баскаков, вздыхая, и отошёл от меня.

Налил себе из графина выпить и уселся в кресло напротив письменного стола, где сидела я.

— Просто устала.

— Нет, Нина, всё далеко не просто, — произнёс напряжённо муж, устремив на меня пронзительный взор. — Я вижу, что ты всё ещё обижаешься на меня за что-то, но не пойму никак отчего?

— Не понимаешь? — тут же подхватила я и нервно кинула перьевую ручку на стол.

— Нет. За то, что я задержался сегодня допоздна? Прости.

— А за позавчера тоже просить?

— Почему бы и нет, — пожал он плечами.

Говорил так буднично, как будто просто надел не тот галстук к чаю. У меня же перед глазами уже разыгралась интимная сцена, как сегодня он с этой брюнеткой развлекался в постели, а позавчера танцевал в каком-нибудь ночном варьете.

И, видимо, я должна была всё это «съесть» и простить.

— Не прощу! — вспылила я. — Глупость какая-то! Какие ещё клиенты до полуночи?! Что, дня мало, чтобы обсудить всё?

— Представь, мало. Нина, обещаю, что сегодня я вернулся так поздно в последний раз. — Он чуть отпил из бокала, вытянул длинные ноги и откинулся на мягкую спинку кресла.

Его поза была как у вальяжного, уставшего тигра, я же была вся взвинчена и чувствовала себя какой-то истеричной курицей, требующей отчёта. Мне и самой это всё не нравилось. Но я понимала, что надо наконец положить этому конец.

— Значит, будешь всё успевать днём?

— Конечно, — кивнул он.

В мою голову полезли мысли о том, что брюнетку он будет навещать в обед или она к нему в контору придёт, как в прошлый раз.

— Хватит делать из меня дуру! — процедила я. — Я требую, чтобы ты немедленно мне всё рассказал, Владимир.

— Про что же?

— Ты знаешь, про что, а точнее, про кого.

— Просвети меня, Нина, про что речь.

— Ты не понимаешь?

— Нет. Я действительно не понимаю, о чём ты, — спокойно ответил муж.

— Про твою связь с той прелестной брюнеткой. Кто она тебе? Любовница, бывшая... или кто?

Муж поменялся в лице и сел прямо в кресле. Я видела, что мои слова не просто огорошили его, а вызвали страх в его глазах. Наверняка он понял, что наш разговор пахнет разводом.

— Нина, это не то, о чём ты думаешь, — мрачно заявил он, резким движением опрокидывая в себя остатки спиртного.

Быстро поднялся на ноги, поставив пустой стакан на серебряный поднос. Снова обернулся ко мне.

— Бесполезно отпираться, — ответила я, стараясь держать себя в руках. — Я вас видела своими глазами. Два раза!

— Нина, а я говорю, что это не то, о чём ты думаешь!

— Неужели? — вспыхнула я. — Только не надо мне сейчас врать. Пётр всё выяснил. У тебя нет ни сестёр, ни племянниц, ни незаконных дочерей возраста этой девицы и её облика! И опеку ты не несёшь ни перед кем! Так что и ежу понятно, что вас связывает с этой брюнеткой!

Глава 16

— Нет, ты неправа, — упорно твердил Владимир.

— Тогда кто она?

— Пока я не могу тебе ничего сказать, Нина. Но как только будет возможность, обещаю, что всё расскажу.

— Как удобно! — перебила я мужа, нервно взмахнув рукой, и быстро встала из-за стола. — Работа допоздна, объяснения потом. А у меня уже, наверное, рога больше, чем у антилопы!

— Нина, успокойся, — попытался увещевать Владимир, приближаясь ко мне.

— Не подходи! — остановила я Баскакова жестом. — Я и так знаю, что она твоя любовница и у вас есть ребёнок!

— Ребёнок? Что ты несёшь? — опешил он. — Нет у меня детей, кроме Анечки и старшего сына Ильи.

— Врёшь, и я больше не хочу говорить с тобой.

Я попыталась выйти, но муж схватил меня за талию и притянул к себе.

— Отпусти! — велела я строго.

— Выслушай меня, — властно потребовал Владимир, заглядывая в глаза. — Клянусь, что у меня нет никаких возлюбленных, кроме тебя. Я люблю только тебя, Нина. И ни разу не изменял тебе с нашего венчания.

— Значит, имел интрижку до того, — сделала я резонный вывод. — Оттого и ребёнок уже большой.

— Нет, это не так.

— Так. Но я понимаю, прежнюю страсть нелегко позабыть. И вы друг друга до сих пор утешаете.

— Ну что ты говоришь, Нина? — возмутился Владимир. — Нет ничего такого и в помине.

— Да-да.

— И нет никаких возлюбленных брюнеток у меня.

— Тогда кто эта дама?

— Сказал же, не могу пока рассказать. Но клянусь, что...

Я резко прижала свои пальцы к его губам.

— Не надо показушных клятв, Владимир! — процедила я, уже не в силах сдерживаться. Высвободилась из его рук. — Или ты рассказываешь сейчас, кто эта дама, или завтра же я ищу нового адвоката и подаю на развод.

— Ты не сделаешь этого, — выдохнул он в ужасе и попытался схватить меня за руку. — Я же люблю тебя!

— Умело врёшь. Любил бы — всё рассказал бы и не изменял.

— Это не моя тайна, Нина. Пойми. Просто поверь мне.

— Не верю. И больше говорить с тобой не буду.

— Нина...

— И завтра же подам на развод. Держать тебя не стану.

Я быстро вышла из кабинета, хлопнув дверью, совершенно уверенная в том, что делаю всё правильно. Терпеть подобного я не собиралась и предъявила ему всё в лицо, а он только уклонялся от ответа и ничего не объяснил толком. И не сознался. Значит, точно был виновен. Потому в этот момент я была на сто процентов уверена, что развод — единственный выход из этой гнусной, непростой ситуации с мужем.

— У вас всё хорошо, Нина Георгиевна? — спросил меня дворецкий в коридоре.

— Да, всё нормально, Трифон.

— Просто вы так кричали с Владимиром Львовичем в кабинете, я подумал, что что-то случилось.

— Всё хорошо. Ступай спать.

— Слушаюсь.

Дворецкий быстро ушёл по тёмному коридору. Я же некоторое время стояла в сумрачной парадной, пытаясь успокоиться. Глубоко подышала. На глаза опять навернулись слезы обиды.

Начала медленно подниматься по лестнице, ощущая себя совершенно несчастной. Я надеялась, что Владимир мне всё объяснит, успокоит, но он своими увёртками только подлил масла в огонь моей ревности. Поэтому сейчас я жаждала одного — развода. И немедленно. Более не хотела выглядеть жалкой и смешной в своих глазах.

Прямо какое-то проклятье лежало на Нине Литвиновой, подумалось мне. Ей патологически не везло с мужьями. Все поголовно изменяли. Я думала, что хоть Владимир другой, но он оказался из того же теста, что и бабник Михаил, и хитрец Аркадий.

Я уже дошла до верха лестницы, как раздался громкий звук. Звук выстрела.

Я вздрогнула всем телом. Резко обернулась и вперила ошарашенный взгляд в закрытые стеклянные двери кабинета. Да, в моём столе лежал револьвер. В нижнем ящике, на замке. И Владимир знал, как его открыть.

Мысль о том, что муж застрелил себя, вмиг накрыла меня.

Я, как безумная, бросилась вниз по ступеням. Влетела в кабинет.

Владимир недвижимо лежал на полу, а под ним расплывалась лужица крови. Рядом на паркете валялся револьвер.

Я в ужасе вскрикнула, зажав рот ладонью. Мне показалось, что небо обрушилось мне на голову. Я лишь безумно взирала на тело мужа, и мне казалось, что я схожу с ума.

Глава 17

Я бросилась к мужу, приложила руку к его шее. Пульса не было.

Хотела его перевернуть, чтобы посмотреть, где рана. Но в последний миг остановила себя: наверное, трогать его было нельзя. Или можно?

Пока я в ужасе пыталась понять, что делать, в кабинет уже вбежали слуги. Я только смогла поднять голову на шум и снова обратила взор на неподвижного Владимира. Сидела перед ним на коленях совершенно растерянная.

— Нина Георгиевна, что вы наделали?! — воскликнул дворецкий, вбежавший первым.

— Я? — опешила я от его слов.

Он что, намекал на то, что это я его застрелила? Или что?

Рита и рябая кухарка уже заохали над нами. Я же попыталась приподнять Владимира, чтобы увидеть, где рана. Мои руки тряслись, а мысли путались, как в чудовищном дурмане.

— Что с ним? Он мёртв? — кудахтали они.

— Замолчите! — вырвалось у меня нервно.

Дворецкий же развернулся и пулей вылетел вон из кабинета.

— Я вызову доктора! — заявила Лариса Самсоновна, которая единственная сказала что-то вразумительное в этот момент.

— Да-да, пожалуйста! — подхватила я нервно, с благодарностью глядя на экономку. — Звоните по телефону! Так быстрее.

Лариса уже бросилась к телефонному аппарату, стоящему на столе, и начала крутить ручку, а потом громко ответила барышне, с кем соединить.

— Вроде грудь прострелена, где сердце, — бормотала я над мужем, переворачивая его с помощью Риты на спину. — Помоги мне снять пиджак. Надо остановить кровь до приезда доктора.

— Конечно, Нина Георгиевна.

— Я принесу воду и бинты! — заверещала кухарка и умчалась прочь из кабинета.

Через пять минут экономка встревоженно произнесла:

— Говорят, Феликса Игнатьевича нет дома. Он уехал к родне в Тверь.

— Кошмар, — вскрикнула я и тут же велела: — Звони Борису Евсеевичу! Быстрее. Пусть хоть он приедет.

Да, я не жаловала недалёкого Бориса Евсеевича, который едва не уморил прежнюю Нину, но сейчас нужен был хоть какой-то доктор.

Экономка понятливо кивнула и снова начала крутить ручку аппарата.

— А ну, отойдите от убитого! — раздался неприятный голос от дверей. В кабинет вошёл городовой в сопровождении моего дворецкого. — Вы что, следы заметаете?!

— Что? — непонимающе спросила я.

— Трифон доложил мне, что это вы стреляли в господина Баскакова, сударыня. Поэтому отойдите от убитого немедленно! И вы, девица, тоже! — добавил он уже в сторону Риты.

— Вы что, с ума сошли? — воскликнула я возмущённо, оставляя недвижимое тело мужа и поднимаясь на ноги. — Стреляла не я. Он сам, возможно, стрелял в себя...

Городовой уже подошёл к Владимиру, внимательно осматривая его.

— Себе в спину? — огрызнулся городовой со знанием дела. — Как вы это себе представляете, сударыня?

Я напряжённо замерла. Действительно, он был прав. Не мог муж выстрелить себе в спину, а я что-то об этом не подумала. Ведь пуля действительно продырявила пиджак сзади, а спереди не вышла.

— Но это не я, — твердила я упорно.

— Как же не вы? Когда ваш дворецкий мне всё рассказал!

— Я не стреляла, говорю вам! — вспылила я в негодовании, чувствуя, что всё это уже плохо пахнет.

— И отойдите, отойдите от него, я сказал! — прикрикнул на нас с Ритой городовой, неучтиво оттесняя нас от неподвижного Владимира.

— Доктор уже едет, Нина Георгиевна, — доложила в этот момент Лариса Самсоновна.

— Спасибо, — тихо отозвалась я.

Я смотрела безумными глазами на неподвижного мужа, на всех присутствующих и понимала, что действительно всё выглядело так, словно я убила Владимира. Ведь я первая обнаружила его. А в кабинете больше никого не было. Только потом вошли все слуги.

— А ну, отойдите, сударыня. Мне нужен телефон, — важно заявил городовой уже экономке. — Мне надо позвонить в полицию, Макару Кнурову. Пусть господин пристав приедет, посмотрит, что вы тут учинили, Нина Георгиевна!

Я похолодела. Значит, подозревали меня. Это осознание добило меня окончательно.

Глава 18

Доктор, на удивление, приехал быстро, всего через полчаса. Вошёл в кабинет, где мы находились. Слуги тихо стояли в сторонке, косясь на неподвижного Владимира. А я спорила с городовым, который не хотел слушать о том, что я невиновна.

Борис Евсеевич быстро оценил состояние Баскакова, который так и не приходил в себя, и заявил, что муж жив. Я тоже уже заметила, что Владимир вроде дышит. В первые мгновения от ужаса я не могла толком понять этого. Я даже облегчённо выдохнула.

— Помогите мне раздеть Владимира Львовича, чтобы я лучше осмотрел его, — велел доктор, склоняясь над раненым.

— Да, конечно, — согласилась я, и мы с Ритой начали осторожно снимать сначала пиджак, а потом рубашку с Баскакова.

— Так… огнестрельное ранение, — сделал вывод Борис Евсеевич. — С близкого расстояния. Опасное. Надо извлечь пулю, и как можно скорее.

— Делайте, доктор, — распорядился городовой. — Вдруг выживет.

— Вы должны спасти его, Борис Евсеевич, — взмолилась я.

— Постараюсь. Но ничего не могу обещать, Нина Георгиевна. Сразу говорю, состояние Владимира Львовича очень плохое.

— Я понимаю. Что вам надо для операции? Говорите! — велела я.

— Так. Нужна чистая вода, бинты, спирт, если есть, — продолжал доктор перечислять.

— Сейчас всё принесут, — закивала я, уже давая указания кухаре и одной из служанок.

— Переложите его сюда на диван, — продолжал командовать Борис Евсеевич. — Переносить его пока опасно.

Дворецкий и лакей осторожно подняли с пола бессознательного Владимира и переложили на большой кожаный диван, стоявший напротив стола.

Борис Евсеевич начал более тщательно осматривать рану, а я следила за каждым его жестом и мимикой на лице. Я, конечно, была не восторге от компетентности этого доктора, но другого искать не было времени. Муж истекал кровью.

— Ну, что скажете? — нетерпеливо спросила я, оставшись стоять рядом.

— Пуля глубоко засела, — поморщился доктор. — Лучше доставать спереди. Она застряла сбоку между рёбер.

— Вы сможете достать её и спасти моего мужа?

— Есть, конечно, шанс. Но пуля находится очень близко к сердцу. Непросто будет извлечь её…

— Прошу вас! — взмолилась я.

— Сделаю, что смогу, — важно заявил Борис Евсеевич. — Но мне нужна будет помощь во время операции. Надо кому-то убирать лишнюю кровь, чтобы она не заливала рану.

— Я сама готова помогать вам, — согласно заявила я.

Борис Евсеевич проворно вымыл руки в соседней уборной и спустя пару минут вернулся. Открыл свой саквояж и извлёк нужные инструменты. Начал непростую операцию. Мы с Ритой делали всё, что говорил доктор. И я видела, что муж ещё жив. Дыхание едва вырывалось из его чуть приоткрытых губ.

Когда доктор извлёк пулю, я облегчённо вздохнула. Она оказалась цела. Ведь до того Борис Евсеевич предупреждал, что если пуля раздробилась, то вытащить все осколки будет проблематично. Затем он начал зашивать рану, так как пришлось делать небольшой надрез, чтобы достать пулю.

Я обеспокоенно смотрела на неподвижное лицо Владимира и видела, что он становился всё бледнее, так и не приходя в себя. Может, это было и к лучшему. Хотя бы не чувствовал боли.

Когда Борис Евсеевич наложил последний шов, я быстро протёрла чистой влажной тряпкой кровь, а потом обеззараживающим раствором, чтобы не занести заразу.

— Вашему хладнокровию можно позавидовать, сударыня, — похвалил меня доктор. — Не каждая дама сможет видеть своего мужа в таком состоянии и быть спокойной.

— То есть я должна истерить? — с вызовом спросила я.

И что толку в истерике? Уже наистерилась, а теперь Владимир при смерти. И я корила себя за это. Поэтому в эти страшные мгновения я старалась держала себя в руках и делала всё возможное, чтобы муж выжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.